

ставни

**радиф
кашапов**

радиѳ кашапов

ставни

2014

ПЕРВОЕ

фильмы ужасов класса Zi.
ты вези меня, извозчик, вези
на расстрел, на вокзал, на УЗИ,
пока локти не вязнут в грязи.
а потом, а потом выходной,
выходи, выходи, по одной.
по степи, по воде, по Сенной,
кто-то умер у тебя за стеной.
в центрифуге трясется белье.
приголубим, потом обольем
и полено горящее кинем вдвоем -
я и мама, но в восемь подъем,
значит, надо провода переткнуть.
не живешь, так хотя бы побудь.
лимфа, сопли, желчь, слезы и ртуть
собери по углам и можешь уснуть.
в этом и соль, в этом и суть.

ВТОРОЕ

Я знаю лишь, что приподнимешь - глаза откроет,
качнешь - начнет говорить.

Горе мглою небо жжет, если не дано любить.
Я безотказен, потому что мне больше всех надо,
я могу глаголы ставить один за одним,
вероятно, мне не хватает ада,
раз я вручил бессмертной кукле нимб.

я не верю, что в толпе на площади
мне надо стоять, как чужому, я свой,
в отличие от многих я перестал мыслить головой,
и пусть по общим критериям принадлежу
некрестовому большинству,
я могу умирать, словно живу.

ТРЕТЬЕ

я могу теперь себя проверять, у меня есть вытяжка,
эликсир бессмертия, рукопись, пропускающая только свет.
я не совсем на самом деле существо мятежное,
просто за барьером не ров, а кювет.
я могу взять линейку, провести нетвердую линию,
могу коснуться носа пальцами усталыми,
но то, что я владею сигнальным пистолетом, менее
всего значит, что я податливый и впалый.

теперь — получаю права на водителя,
на транспортное средство со свежими покрывками.
могу снимать с одетых памятников кители
и торговать на вокзале рыжиками.
потому что у меня и карт-бланш, и четкие правила,
и нафиг мне сдалась твоя трехтомная поэтика,
пока ты пишешь сочинение набело,
я складываю цифры с разорванного билетика.

ЧЕТВЕРТОЕ

я не могу есть буквы, не могу запастись строками,
как консервами или пулями, или берегами.
но могу лечь поперек порога со всеми пороками
и каждому подставлять ребра,
чтобы не чувствовали себя калеками.

ведь даже чтение есть соучастие,
вырезание ногтем на стекле фигурок из инея,
даже поход за хлебом -
почти прыжок в неизвестное,
почти нет белого на яблоке глобуса, разве что сердцевину
вынь и
подпиши, что оно честное.

ПЯТОЕ: СТОРОНА

бутылка катится по вагону от ноги к ноге.
можно участвовать в драг-рейсингах даже на «Оке».
но я думаю о том, что она отзывалась
на касание моих пальцев с той стороны,
и теперь она совсем за городом, я накоплю конфет,
и смогу добраться до луны,
как это делают весной медведи-шатуны.

в жизни важно иметь горизонт, зонт и транспортир,
чтобы менять угол, когда хочешь увидеть небо,
а не далекий мир.
я знаю, что на небе не ремонтируют часы,
значит, я достигну тебя, когда поседеют волосы,
нервы, и возможно, усы,
как у всех жителей Средней полосы.

нет слов, нет слов, потому что этим вещам
не успели научить,

можно только губами чмокать и грозить,
но даже краешка рта достаточно, чтобы проснуться
в кровати в районе Уткиной Заводи,
и сказать себе: «Господи»,
да если бы я им был, не сидел бы в копоти,

или не бежал бы до горизонта
вторую марафонскую дистанцию,
потому что именно там по делам
нашим нам досталось бы,
лишь бы за свое швыряли в облака боги,
а не за чужое.

Я вам доверяю, ибо сам не вижу.
У меня на глазах ожоги.

ШЕСТОЕ

пух - это просто кровь подушек,
я выбросил очки из-за травмы дужек,
я не крал у вас серебряных ложек,
у меня, слава богу, своя за щекой,
я, правда, с ней не родился, но выжил,
скажи мне, кто твой друг, и я выброшу булыжник.
как сказал еще живой художник-передвижник -
реальности не надо платить за постой.

Как ты думаешь, а она за нами не прыгнет?
Тогда беги в кусты, меня хозяин сам выгонит.
А вон та квартира, слева, будет ихняя,
я, что? им завидовать? Боже упаси!
достаточно поднять голову, чтобы
понять, что залез спяну в сугробы.
Как жаль, что я не прошел эти пробы,
я просто прошел. Что смотришь? Вези.

СЕДЬМОЕ

начальная пора,
вещей подорожанье,
мучное обещанье
и охрою кора:
не трогать до успенья.
закончено лечение,
с обедни к вам на плаху.
зачем я забрела.

не рвите мои косы,
не собирайте слезы,
разбиты в соль совхозы,
дворцы и миражи.
наотмашь, в ясли, в пристань,
и свет в зрачки им выставь.
зачем тут гармонисты,
коль дохнут все стрижи.

подведены итоги,
вот, жив я - руки, ноги,
хоть выселен с берлоги,
так значит - прощено?
забылся - нет и точка.
от красоты уж тошно,
и пальцы скоморошно
мне машут сквозь окно.

ВОСЬМОЕ

поместье Михайловское, деревня Норенская,
чтение писем, поход за водой.

Считают, что никто не ходит за тоской, таская
за собой других, как подружек невесты с фатой.

Надо основать небольшое село
имени 69 параллели, где воздух помнит, как
умирали все полярники, наверное, весело,
сплевывая зубы в кулак.

мочились на снег, надеясь на то,
что когда-нибудь эти тексты кто-то найдет.
поморщится, но делать нечего, перепишет
и потом переведет.

ДЕВЯТОЕ

веки полуприкрыты, руки в варежках зябнут,
барыня едет к усадьбе через буранный полустанок,
буряты и татары встречают ее на дороге,
заламывают шапки и ножи прячут в снег.
потом как бы невзначай незнакомое что-то брякнут,
еще раз посмотрят на устройство санок
и вспомнят, что летом в каком-то стоге
был забыт муж ейный, тоже, кажется, человек.
крепостное право, право на движение,
вконец рассохлась рама, та что на юге.
можно выложить землянику в горячую воду,
но что делать, коли хлеб не растет сквозь асфальт.
мысль бежит впереди обеда в воскресенье,
как пятиклассник на день рожденья подружки,
спотыкается вновь о печальную коду
песни о том, что не закрыт гештальт.
ведь хотелось счастья по теории в углу тетради,
а узналось, что все не ради счастья, а бога ради.

ДЕСЯТОЕ

таблеточное царство, тумблерный лабиринт,
голодная цапля лягушек сажает на винт.
юный барабанщик тиранит проспект,
ходил, бывало, раньше в университет.
короткая радость чтит Тору и пустоту,
в нее не нальешь Кальвадос, чтобы вызвать бодун.
пустите ему плазму, и выйдет тогда все зло.
доктор, это проказа, куда нас завело.
крестовые джихады, правим карму за магарыч,
над дверью зоосада повешен кирпич.

ОДИННАДЦАТОЕ: СМЕХ-СНЕГ

мне ничего не надо, кроме букваря
и памяти, а хрен с ним, откровенно говоря,
мне надо просто доживать до декабря.
лишая вновь халтуры звонаря.
и снега нет, и смеха нет, зато
не нужно покупать за полцены пальто.
ты время зря не трать - читай в метро.
не вслух - ты знаешь,
я тебе не говорил,
но в твое горло
воткнут камертон.

ДВЕНАДЦАТОЕ: ЗАЩИТА

я въезжаю в Москву-смокву боком,
самое простое, если б здесь возник Набоков.
Но Володи нет ни в ларьках, ни в руках, ни в сознании,
выжило одно осязание.

хватит орать уже, высохло горло.
я околею и сверну горы,
если выдержу очередь в кассу,
руку подниму, выйду на трассу.

защита Кашапова, по крайней мере,
я здесь, я живой, я в своей атмосфере,
асфальт, ну а рядом крошится Россия,
я в ней не прописан, I'm not here,
this isn't happening,
никто никогда тоской не делится,
человек, по сути, нерентабелен,
да, нерентабелен.

ТРИНАДЦАТОЕ: 404

вернулся назад, а там 404
вернулся назад, а там 404,
вернулся назад, а там...
попробуй еще раз
попробуй еще раз
попробуй еще раз
попробуй еще

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ: КОДИРОВКА

я знаю, что ветер полощется в рамах
и двери ломаются на экранах,
но больше усталость и мысль о завтра
плутает в башке, как глупая мантра.

я верю в себя, я верю в полеты,
у моря не жду хорошей погоды.
карманы зашиты, обкусаны ногти,
я вдоль мерзлоты гуляю на Охте.

хожу, потому что - смысла по локоть,
и нечего цапать меня, глупый коготь,
я ровно разбит на залы и люстры,
но внешне - огрызок брюссельской капусты

все тот же. закрыто, печать, голограмма,
сургуч, кодировка, запрещенное самбо.

ПЯТНАДЦАТОЕ

Матфея пожирают
люди в пиджаках,
он бросил курить,
чтобы с ними не болтать.
я шестой раз за месяц
клею ботинки,
пожалуй, гвоздями,
будет надежней.
нечего класть
в железную кружку,
и с именем моим
не купишь картинки.
душа шестивесельная
поможет в безветрие.
мне не по нраву
ваша тригонометрия,
в темном переулке
опасно с вами встретиться,

пусть только иней
на веках не светится.
либо в общую залу,
либо при барине дворником,
но не есть эту падаль
с обшарпанных лавок,
будь со мной ласков,
пусть не бьется посуда,
пусть не плачет Гертруда,
мяч не закатится за комод,
и елочку не втянут в хоровод,
и пуговица найдется,
и Христос рассмеется.

ШЕСТАДЦАТОЕ: ЗАКРЫТОЕ

ночью не читаются эклоги Бродского,
ночью хочется строго плотского,
не подчиненного орфографии,
давай, палач, обезглавь ее,
пусть не будет рта, говорящего имени
своего, чтобы выманить
меня настоящего, бедного,
уставшего, беззаветного,
без завета и штампа о регистрации,
в средневековом театре отсутствовали декорации,
на кухне не место колготкам и простыням,
но только простыни по росту нам.

СЕМНАДЦАТОЕ: FLOW

тесто месил на кухне,
половина первого,
масленица, прощенное воскресенье
намаз пропущен в угоду обеду.
и никакого тебе весеннего первенца,
одно лишь рабочее настроение,
кровокорпение
и желание убить соседа.

лети, мой город пятнадцати деревцев,
за реку, вокзал и за заставу,
где мир существует, умерший за секунду,
так далеко, даже не верится,
но все же оладыи вышли на славу.
по вкусу не только мывшему посуду,

хотя и бесчестно, как ночевать в божеском
доме лицемеру, как в несвежей кровати

обнимать чужую подушку, вдыхая чужое.
но слетает с апельсина кожица,
становится единицей, которую короновать
и на виселицу.
для всеночного покоя.

прекрасно, буднично, тактильно до безумия.
клади линейку, противовес бросай,
подписывай зачетку, меряй тело мылом.
простим друг другу тихое беззубие.
подпишем мир хотя слова - роса,
что мочит ноги, повторяя слово «было».

и слушай записи, внимай пословицам,
гляди, как в лоб твой метят оловом,
цени пыль, перхоть. ломти каравая
черствые несут. кусаешь. успокоился.
твое лицо черты меняет, словно
калека ропщет, десятину собирая
с прохожих.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Между нам, топ аті,
с глазу на глаз.

Мы умеем быть людьми,
мы имеем наглость.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Мы вернемся из Сибири,
мы очнемся ото сна,
мы придем,
бредем,
уедем
в мир,
в столицу,
в дом родной.

Там любовники
и жены,
дети, бабушки,
соседки.
Тишина, пивные,
бляди. Память,
память,
память,
память.

Ты скопил дерьмо в ведерко?
Мы подарим
тебе ложку.

ДВАДЦАТОЕ: ПЬЯНСТВО

Поэт.

Поэт настоящий.

Пишет стихи,
как водку пьет стаканами.

Если не пишется
ни в стол, ни даже в ящик,
дни зовутся окаянными.

Но жив и настоящий рифмоплет.

И он убьет поэта
острой розою.

Он пишет так,
словно вообще не пьет.

А вольный стих
путает с прозою.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ: * * *

Пока хорошо - буду петь,
будет плохо - стану реветь.
Жизнь поэта
невероятно
проста -
танцевать во время поста
да плакать
на праздники.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ: 19-й

Я ехал на перекладных
и перекладывал слова:
туда-сюда, обратно, заново, -
и думал. И болела голова

о том, что наш ямщик дурак,
что скоро кончится июнь,
что век мой девятнадцатый уйдет,
и стану я, седой, как лунь,

прощать свой мир за повторенья.
За то, что кто-то будет также
лететь в степи и думать обо всем.
Не становясь ничуть не старше.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

На зимней улице
кто-то наступает
на выброшенное мной стихотворение.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ: СЫН

Одиссей Телемаку
пошлет телеграмму:
«Плохо, сын.
Я один».

Но не будет еще самого телеграфа,
Телемаку не дано познать краха
надежд, что отец скоро будет.
на Итаке мужей бить; и люди
будут чувствовать усталого владельца.

И придется состряпать дельце,
написать «Одиссею», взять псевдоним.

Чтобы отец не был один,
не был ничейным отцом.

Телемака ведут в детдом.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ: ГИПЕРБОРЕЙ

Гиперборея прогнали с ветрофермы,
а что ему - сидит и в ус не дует.
Он знает - божество бессмертно,
ему не надо пищи и TV.
А людям нужно то и это, третье,
четвертое - они не боги.
Они читают мифы скандинавов
и просыпаются под тиканье часов,
когда будильник уже умер, захлебнулся;
хлебают чай, терзают сковородку,
идут к себе на службу, проклиная
языческих богов.
Гиперборей
их хлопает по спинам, икрам, щекам.
Он отдыхает и буянит.
Ведь он уволен - что же еще делать?
Божественны его проказы!

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Ночью глубокой спят даже поэты.
Убаюканы музы и песенки спеты.
Средь ворохов рифм и старых набросков
спят света хрустального полоски.

Ночью мамы и папы поэтов
глотают таблетки, несмотря на запреты.
Им страшно за сумасшедших деток,
убегающих в мир тетрадных клеток.

Но ночью глубокой спят даже поэты.
Поэтому плюньте на ваши заветы.
О доле их горькой больше не плачьте.
Что вам за дело до ангелов спящих?

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Я хочу переспать с моей музой,
потому что она - прекрасна:

она ест кукурузные палочки с вареньем,
пачкает плащ чернилами,

рано ложится, поздно засыпает,
заставляет меня писать стихи.

И прячет упрямые мягкие губы.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ: КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ - СОАВТОР ПОЭТА

(впиши карандашом)

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Ах, когда ж я увижу Невский,
попрощаюсь с тобою в Гайд-парке.
Напевая на англ., веско
ступая, пойду, кухарке

закажу трюфеля и картошки.
И залягу читать Мопассана.

...Это так, просто так, понарошку.
Потому что мне тихо и странно.

ТРИДЦАТОЕ

А вы знаете:

стихи сочиняются ночью,
когда вы понимаете,
что разум обесточен,
и вы общаетесь напрямую
с миром - телемост,
воспринимая сущность рябую,
наступая вечности на хвост.